

Иран на пороге президентства Пезешкиана

Комментарий Центра АРВАК, 26.07.2024

05.07.2024 по итогам второго тура внеочередных выборов новым президентом Исламской Республики Иран стал *«реформист»* Масуд Пезешкиан. В пользу его кандидатуры проголосовало 53,7% участвовавших во втором туре избирателей. Согласно конституции Ирана, Пезешкиан должен быть утвержден на новый пост Верховным аятоллой спустя 30 дней после первого тура выборов.

Соперник Пезешкиана *«консерватор»* Саид Джалили результаты подсчета голосов не оспорил и признал победу оппонента. Однако на внутривнутриполитическом поле Ирана все же возникла определенная напряженность в связи с процессом выборов и, следовательно, их результатом. В частности, Рахбар выразил свое недовольство тем, что на первом туре голосования была зафиксирована рекордно низкая явка избирателей и распорядился провести правительственное расследование по этому поводу. Дело в том, что диссидентские иранские круги, в том числе – шахская семья Пехлеви, представители «Альянса за демократию и свободу Ирана» и другие оппозиционные активисты квалифицировали низкую явку голосующих как победу свободомыслящих масс над *«режимом»*. Рахбар выразил свое категоричное несогласие с такой оценкой, однако инициированное им расследование свидетельствует о наличии определенной доли тревоги в высших политических кругах страны. Вместе с тем, и в ходе выборов, и после них, в стране не стихают споры по поводу попыток консервативных сил посредством административных рычагов создать неравные условия борьбы для реформистов во главе с Пезешкианом. В частности, бывший министр культуры и исламской ориентации ИРИ аятолла Мохаджерани открыто обвинил временно исполняющего обязанности президента Мохаммада Мохбера в том, что он вместо исполнения своих прямых обязанностей и сохранения нейтралитета, всячески способствовал избирательной кампании Саида Джалили.

Тем не менее, ни у кого в стране не было сомнений, что Али Хаменеи утвердит Пезешкиана в президентской должности, чем продемонстрирует международному сообществу и иранской общественности приверженность Исламской Республики принципам демократии и свободы выбора. Уже 22.07.2024 агентство *Fars* первым известило, что церемония утверждения Пезешкиана состоится 7-го мордада 1403 г., что по григорианскому календарю соответствует 28 июля 2024 г. Спустя два дня после этого должна состояться инаугурация.

В целом, процесс последних иранских выборов воспринимался международными наблюдателями и политическими кругами в контексте традиционной для Ирана в последнюю четверть века политической борьбы консерваторов с реформистами. Главным образом, якобы, именно предпочтениями иранских граждан в пользу этих двух политических плюсов были обусловлены результаты голосований. Однако, на самом деле обстоятельства, повлиявшие на ход выборов, следует искать несколько в другой плоскости. Речь идет о национальном факторе, а точнее, об этнической принадлежности одного из кандидатов – Масуда Пезешкиана. Победивший на

последних выборах Пезешкиан считает себя чистокровным мехабадским тюрком (есть сведения, что, все же, его мать – курдиянка), в кругу близких старается говорить только на родном тюркском диалекте и подчеркнуто придает большую значимость своей этнической принадлежности. Вообще, деятели с тюркскими корнями – весьма широко распространенное явление в иранской политике, во властных структурах, армии и среди духовенства. По некоторым данным, сам верховный лидер страны аятолла Али Хаменеи является хорасанским тюрком. Однако никогда этническая принадлежность в государственном устройстве постреволюционного Ирана не считалась преобладающим признаком или фактором, влияющим на политико-идеологическое содержание теократического строя. Масуд Пезешкиан стал едва ли не первым из числа известных иранских политиков тюрко-азербайджанского происхождения, который открыто демонстрирует почитание своих национальных корней, что, в конечном итоге, не могло не отразиться на результатах последних выборов.

Даже с учетом стараний Пезешкиана не акцентировать в предвыборной борьбе свое этническое происхождение (он позиционирует себя убежденным ираноцентристом, приверженцем сохранения существующего государственного строя с условием либерализации и частичного смягчения действующих в стране порядков), его электорат значительно расширился во многом благодаря прежнему опыту популяризации своих национальных корней. Причем, следует особо подчеркнуть, что это обстоятельство оказало свое влияние не только на настроения тюркоязычных избирателей Ирана, но и на другие национальные меньшинства страны. В этом плане весьма показательны, что в обеих турах выборов в пользу Пезешкиана с большим перевесом отдали свои голоса жители провинции Систан и Белуджистан, не имеющие этнической общности с азербайджанцами, однако слывущие ревностными приверженцами своей национальной самости отвергающие в равной степени как иранский теократизм, так и номинальный титульный статус фарсоязычных сегментов в фундаменте нынешней иранской государственности. В общей же сложности данные, опубликованные ЦИК ИРИ, и приложенные к ним этнографические карты свидетельствуют, что за Джалили отдали свои голоса преимущественно центральные и северо-восточные останы Ирана, в то время как Пезешкиану выразили доверие жители северных и юго-восточных провинций. Причем, в процентном соотношении Джалили больше всего голосов получил в остане Кум, на юге от Тегерана, тогда как за Пезешкиана практически с разгромным результатом в 80-90% проголосовали останы Ардебиль, Восточный Азербайджан и Западный Азербайджан, а также, чуть с меньшими показателями, провинции Курдистан и Керманшах. Сверяя эти данные с картами этнического расселения всей территории ИРИ нельзя не зафиксировать тот факт, что выборные голоса в Иране были распределены практически в полном соответствии с демографическим составом страны. Тем самым, фарсоязычные останы проголосовали за избрание президентом Саида Джалили, а тюркоязычные, курдоязычные области и ряд других районов, населенных другими национальными меньшинствами, выступили за победу Масуда Пезешкиана.

С учетом этой данности становится понятным, что разделение кандидатов строго по принципу «реформатор–консерватор» следует считать искусственным нарративом в применении к иранской действительности. И он приобретает смысл, причем весьма условный, лишь в том случае, если рассматривать происходящие в Иране политические процессы сквозь призму этно-национальных движений и процессов. Это наводит на мысль о том, что нарратив о реформах в стране и частичная либерализация порядков в подавляющем большинстве интересуют национальные меньшинства Исламской Республики и, главным образом, с точки зрения возможного послабления этно-национальной политики центральных властей, расширения языковых прав, децентрализации страны и прочих подобных инициатив. Общегосударственные реформы, о которых постоянно говорят представители условно либерального крыла иранских политических элит, интересуют тюрков, курдов, белуджей, арабов и другие меньшинства постольку, поскольку могут способствовать предоставлению широких прав этим народам, считающим себя обделенными в процессе построения нынешней иранской государственности.

В широком обзоре ход и результаты иранских выборов свидетельствуют о том, что борьба в них шла не столько между идеологическими течениями, предлагающими разные модели внешнеполитического поведения, экономического устройства, общественно-правовых отношений в государстве, а между сегментами электората, разделенного по этническому принципу. В связи с этим сложилась достаточно уникальная ситуация, когда кандидаты состязались в плоскости идеологических воззрений относительно будущего неделимого Ирана, в то время как общественность в своих предпочтениях была движима исключительно фактором этнической принадлежности оппонентов. В этом свете Пезешкиан отпраздновал победу не потому, что донес до электората убедительность своей программы по модернизации страны, а электорат сам снизу обеспечил ему необходимые голоса, исходя из фактора его национальной принадлежности. Следует заметить, что единственным останом, где несмотря на преобладающую численность фарсоязычного населения убедительно выиграл Пезешкиан, (что и определило итоговый результат выборов по всей стране), оказался Тегеран. И это объясняется тем, что только в иранской столице борьба кандидатов была воспринята в среде сосредоточенной здесь иранской прогрессивной молодежи в соответствии с формулой «реформы против консерватизма», без оглядки на этнонациональную принадлежность оппонентов – иранского азербайджанца Пезешкиана и уроженца Мешхеда, перса Джалили.

Тем не менее, для иранских элит исход выборов был неожиданным. Кроме того, насколько можно судить по публикациям иранской прессы, столь убедительная победа Пезешкиана стала сюрпризом и для него самого. Иранский электорат проголосовал сообразно собственной логике, на которую политические технологии оппонировавших сторон, по сути, оказали минимальное влияние.

Возможно, именно поэтому иранские проправительственные СМИ в спешном порядке начали публиковать материалы о симпатии аятоллы Али Хаменеи, якобы, питаемой к Масуду Пезешкиану, и о почитании последним Рахбара. В Иране активно тиражируется информация о том, что несмотря на свою принадлежность к

реформаторскому крылу, Пезешкиан никогда не считался радикальным последователем светской идеологии, что как убежденный мусульманин–шиит он вхож в круги высшего духовенства страны и что в его биографии сыграла немаловажную роль служба в структурах КСИР в годы ирано-иракской войны.

Попытка заведомо представить Масуда Пезешкиана политическим деятелем, крепко связанным с высшими эшелонами теократического строя Ирана, очевидно обусловлена, с одной стороны, необходимостью лишить его электорат излишних ожиданий радикальных перемен, а с другой – умерить реформаторский настрой самого новоизбранного президента. По мнению эксперта по Ирану Центра анализа стратегий и технологий (ЦАСТ) Юрия Лямина, реформатор Пезешкиан будет скован в плане самостоятельности, и все его реформаторские начинания как в области внешней, так и внутренней политики будут проходить жесткий экзамен перед тремя инстанциями, контролируемые консерваторами – парламентом страны, Советом старейшин Конституции и, наконец, лично Рахбаром, который в праве отменить любую президентскую инициативу. Пезешкиану придется договариваться со всеми этими силами. И едва ли он будет намерен противиться такому положению дел, поскольку в любом случае уже прошел «фильтр» подконтрольного консерваторам Наблюдательного совета, допустившего его к участию в президентских выборах.

С тем, что Пезешкиан будет лишен большой самостоятельности, согласны и эксперты американского аналитического центра *Soufan Center*. По их мнению, для консерваторов во главе с Верховным аятоллой Али Хаменеи и КСИР, избрание Пезешкиана, действительно, стало неожиданностью. Дело в том, что опасаясь победы реформаторов, Наблюдательный совет лишил права участия в предвыборной гонке наиболее популярного в Иране представителя этого крыла – Эсхака Джахангири. Было принято решение вместо него допустить к президентской гонке Масуда Пезешкиана, не пользующегося большой известностью и авторитетом в обществе. Однако малоизвестный Пезешкиан стал стремительно собирать в свой актив голоса избирателей. С другой стороны, консерваторы просчитались в том, что изначально выдвинули пять своих кандидатов и, тем самым, расплыли свой электорат. А второй тур, в силу ряда причин, не способствовал тому, чтобы оставшийся в гонке Джалили собрал в свою пользу все голоса консервативного электората.

Судя по всему, главным просчетом аятоллы Али Хаменеи и стоящей за ним радикальной партии явилось нежелание допустить к выборам в качестве представителя реформистов Эсхака Джахангири. В случае его допуска существенная часть голосов этнических тюрков, курдов и белуджей не была бы отдана реформистам. Проголосовавший по национальному признаку электорат меньшинств не проявил бы подобной активности в отношении этнического перса Джахангири. Именно поэтому сложилась известное соотношение голосов, которое многими наблюдателями извне трактуется как победа реформистов над консерваторами. На самом же деле, как было показано выше, такой исход сложился во многом по причине наличия национального фактора.

Вместе с тем, учитывая очень гибкую систему управления в Иране, до настоящего времени позволяющую сохранить относительную стабильность в мультиэтнической

стране, нельзя исключать, что власти сами сознательно провели политическую комбинацию по выдвиганию на вторую позицию в госсистеме человека, открыто говорящего о своих национальных корнях. Возможно, это было обусловлено стремлением разрядить протестные настроения среди национальных меньшинств страны и, тем самым, не допустить, чтобы процессы перетекли в неуправляемую стадию волнений на почве национал-сепаратизма. В таком случае попытки известных внешних сил, направленные на то, чтобы, используя «азербайджанский фактор», расколоть страну, где первым и вторым лидерами являются этнические турки, заметно утратят свою эффективность. Кроме того, таким образом можно изменить алгоритм назревающего противостояния в иранском обществе, подменив повестку этнических противоречий чисто политическим соперничеством умеренных реформистов с консерваторами, что намного более выгодная для ираноцентристского теократического режима форма сохранения баланса сил в стране.

Так или иначе, Масуд Пезешкиан будет вынужден играть по правилам, установленным властвующей в стране партией консерваторов, в ведении которых находятся основные сферы жизнедеятельности страны и весь внешнеполитический кейс. Это тем более не вызывает сомнений после того, как победивший на выборах кандидат рядом заявлений уже очертил контуры своих будущих шагов, полностью соответствующих взглядам Рахбара, КСИР и всего консервативного режима. Так, Пезешкиан обратился к Европе с упреком в том, что именно она, под давлением США отвергнув диалог с Тегераном (денонсация «Ядерной сделки»), способствовала ужесточению позиций последнего, с которых он более не намерен отступать. Пезешкиан в другом своем заявлении подчеркнул, что Иран готов дружить с любой страной мира, кроме сионистского Израиля. Россию и Китай он назвал друзьями ИРИ, с которыми его страна готова углубить стратегическое партнерство. Сам же Иран он считает неделимой державой, авторитет и величие которой должны признать все международные акторы и соседи.

Из всех этих заявлений можно заключить, что новый президент будет работать в русле заданных Хаменеи и его окружения задач, стараясь сохранить ту линию, которой придерживался его трагически погибший предшественник Ибрахим Раиси. Как считают эксперты «Российского совета по международным делам», возможно, Пезешкиану и будет предоставлена ограниченная возможность для того, чтобы произвести «косметический ремонт» во внутренней системе управления страны (либерализация канонов ношения хиджабов, пересмотр функций «полиции нравов», введение образования на языках этнических меньшинств и т.д.), однако «ломать через колено» основные устоявшиеся правила жизни в этой стране ему никто и никогда не позволит. Во внешней политике же он будет абсолютно лишен самостоятельности, и если попытается наладить отношения с Западом, то это значит, что таковой будет воля Хаменеи и его партии радикал-консерваторов. На данном же этапе следует ожидать, что Пезешкиан будет реализовывать повестку давления на Израиль, будет добиваться уважительного к Ирану и его интересам отношения Запада, продолжит подготовку договора о стратегическом сближении с Россией и

будет способствовать процессу углубления многоуровневого сотрудничества с Китаем и Индией.

В этом свете обсуждения о «*факторе этнической принадлежности Пезешкиана*», активизировавшиеся в процессе выборов, практически теряют смысл. Корни Пезешкиана, о которых воодушевленно говорили в турецкой, азербайджанской и, отчасти, иранской тюркоязычной прессе, не играют роли с точки зрения корректировки будущих отношений Иран–Турция и Иран–Азербайджан. 17.07.2024 в интервью отечественным журналистам президент Р. Эрдоган упомянул об этнической принадлежности Пезешкиана, однако, вместе с тем, дал понять, что иранский президент внимателен ко всем национальностям и представляет интересы всех народов его страны. Иной трактовки Эрдоган, по определению, не мог себе позволить, поскольку осознает грани дозволенного Тегераном. Азербайджанский же лидер И. Алиев, насколько можно судить по открытым источникам, о корнях Пезешкиана на упоминал вообще. По сути, это табуированная тема в контексте сложных политических отношений между Тегераном и Баку, и едва ли Алиев будет готов манипулировать этим фактом. В целом же, азербайджанские эксперты заявляют, что этническая принадлежность Пезешкиана, возможно, может на данном этапе считаться дополнительным условием для создания доверительного диалога с Алиевым, но не более того. Азербайджанские эксперты ссылаются на факт того, что сам Верховный аятолла Али Хаменеи является этническим тюрком, но, тем не менее, в отношении к Азербайджану и сам очень осторожен и, даже, недоверчив. В Баку признают, что Тегеран заинтересован в особых отношениях с Ереваном, и Пезешкиан не изменит курс равных отношений Ирана с Арменией. В Баку фиксируют тот факт, что если несколько лет назад, в бытность депутатом парламента, новоизбранный иранский президент заявил о «*принадлежности Карабаха Азербайджану*», то сейчас говорит о том, что территориальная целостность Армении будет являться приоритетным вопросом для его администрации. Пезешкиан лично сказал об этом 06.06.2024 в ходе телефонного разговора с Пашиняном, после того, как принял от него поздравления по случаю избрания.

Тем самым, ставшая определяющим фактором в ходе президентских выборов этническая принадлежность Масуда Пезешкиана не имеет импликаций в плане внешней политики Ирана, а внутри страны она будет играть роль лишь в рамках, определяемых консервативным теократическим режимом страны. Безусловно, Пезешкиану будет дано определенное пространство для осуществления части задуманных и провозглашенных в ходе предвыборной кампании реформ для того, чтобы существенно разрядить атмосферу недовольства властью как со стороны национальных меньшинств, так и стремящихся к либерализации государственного устройства общественных кругов. Однако право на кардинальные преобразования системы ему дано не будет. Сам Пезешкиан не будет добиваться этого, поскольку в этом случае ему придется столкнуться с этой самой системой, глубоко уходящей корнями не только в религиозный традиционализм, но и, собственно, в персидский национализм и многотысячелетний иранский цивилизационный фундамент.

Существенные изменения в системе Ирана следует ожидать только от фигуры ее воплощающей. Это фигура – Рахбар, верховный духовный и политический лидер страны. В Иране, как и в мире в целом, хорошо понимают, что будущее страны зависит сейчас не от президента, который уже избран на первый срок, а от человека, которого будет готовить Рахбар и состоящий при нем Высшей совет для транзита власти Верховного аятоллы. В этом смысле политический вес и авторитет погибшего Ибрахима Раиси был непререкаем в Иране не в силу его президентской должности, а, главным образом, по причине того, что именно он считался главным и наиболее сильным кандидатом на избрание следующим Верховным аятоллой. Еще пару месяцев назад иранские элиты и общество имели представление о будущем своей страны, как минимум, в двадцатилетней перспективе. Судьба государства была прогнозируемой. Однако после смерти Раиси страну объяла неопределенность и, в некотором смысле, дезориентация консервативных сил, что отразилось на результатах президентских выборов. Аятолла Али Хаменеи в преклонном возрасте (ему 85 л.), однако на данный момент пока еще не определен новый консенсусный преемник, и именно это создает сейчас главную интригу в ИРИ и вокруг нее, а не итоги президентских выборов.